

Михаил Жарчев

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ
БАЛ

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ж36

Иллюстрация на переплете художника PANDA

Иллюстрация на форзацах художника hokori.tana

Жарчев, Михаил Александрович.

Ж36 Электрический бал / Михаил Жарчев. — Москва :
Эксмо, 2024. — 416 с.

ISBN 978-5-04-199303-0

Москва, 1881 год. В город приезжает загадочный маг-спирит по имени Жак Дюпре, который обещает выполнить желание любого, кто заключит с ним сделку. К нему за помощью обращается князь Поль Бобоедов, проигравший в карты счастливый фамильный перстень. Это привлекает внимание обер-полицмейстера Виктора Победоносцева, который подозревает в иностранце опасного террориста. Но тот не только не террорист, но может даже не человек...

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199303-0

© Жарчев М.А., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Глава I

Machiniste

*Милая М., ангел мой, как давно не писал я вам!
За это не корите: переезд вытянул из меня все жилы. Как хочу, чтоб вы оказались здесь и осветили улыбкою то место, в котором мне волею злой судьбы приходится доживать век.*

Со дня моего прибытия в Москву минул уже месяц. Не передать словами, как паршиво чувствую я себя в этом балаганном городе, который и городом-то назвать можно лишь с известною натяжкой.

Взглянешь на него с Кремлёвских стен и диву даёшься: будто кто-то бисер рассыпал да ручеёк пустил посередине. Ручеёк, это я, конечно, о Москве-реке. Скверная река, не чета нашей одетой в мраморный мундир красавице Неве.

А какие тут дороги! Хотя можно ли называть дорогами эти ухабистые вместилища вечно не просыхающей жижи?

Ползёшь, бывало, по какому-нибудь переулку, и подбрасывает тебя на каждой кочке до самых

облаков. Да так, что желудок пускается в отчаянный краковяк. Подлинное истязание.

Шутка ли, на прошлой неделе один титулярный советник вылетел из коляски и натурально убится об мостовую. Но тут этому прискорбному событию никто даже не удивился.

А какие тут лужи! Вы таких, право, не видели. Разольются на всю улицу, блестят водами зловонными. Въедешь, да так и увязнешь по самое брюхо. Спасибо предприимчивым мужикам с ломами, которые только тем, представьте себе, и зарабатывают, что вызволяют подобных простофиль, чтобы срубить дармовой полтинник.

И ни в чём здесь нет ни логики, ни порядка. Глядишь, желтеют казённые здания, пестрят крышами барские особняки, благоухают садами, шелестят фонтанами. А рядом что? Гнилые лачуги, бараки зловонные, дома с завалинками, куры да свиньи бегают. И над всем этим возвышаются колокольни бесчисленных церквушек. Да и те осаждены торговками, разносчицами, шарманщиками, точильщиками, старьевщиками, попрошайками, непотребными девками, и, стыдно сказать, даже опустившимися представителями благородного сословия, утратившими от пьянства и кутежа человеческий облик.

Приличная публика и та не гнушается мимоходом завернуть за угол и справить нужду

на святые, некогда белоснежные стены. И это при всей истовой богомольности москвичей!

И тянутся улочки кривенькие да худенькие, то срываясь вниз, как поток ручья, то вздыбливаясь в такую гору, что ни один экипаж не вскарабкается ни зимой, ни летом. И куда они ведут — предсказать решительно невозможно. Плетёшься по ним, словно в забытии, как по проклятому лабиринту без входа и без выхода.

Вот в такое место забросило меня Отечество в эти смутные дни, когда я более всего нужен государю.

Но не для того пишу, чтобы излить старицковские жалобы, а для того, чтобы поведать престранную историю, которая произошла со мной в поезде по пути из Петербурга в Москву. Зная, как увлекают вас различные спиритизмы, столовращения и прочие шарлатанства (уж простите вашего слугу за такие оценки), передаю этот случай во всех подробностях. Всё время вспоминаю ваши глаза, всегда чуть печальные от возложенного на вас бремени. Не собрались ли за границу, как настаивают доктора? Поезжайте, молю. Вам губителен сырой петербургский воздух.

Знайте, всякую минутку, всякую секундочку думаю я о вас.

С любовью, ваш П.

* * *

Победоносцев катился по чугунному пути, соединяющему две столицы, и дремал, укутавшись в английский плед. Изредка он приоткрывал веки и поглядывал в окно, за которым проносились сонные деревеньки, припорошенные последним снегом поля и заболоченные лесные гущи. Вагон степенно покачивался на рессорах, в абажуре мерцало газовое пламя, а в воздухе витал горьковатый запах угля. И чудилось Победоносцеву, что это не он несётся в брюхе извергающего копоть железного монстра, а кто-то совсем-совсем другой.

В этом полусне он, по обыкновению своему, видел хрупкий силуэт М., осторожность её якобы случайного взгляда и бледные тонкие пальцы, перебирающие голубую ленту. В душе его вдруг проскочила та божья искорка, которая время от времени пронзает сердце каждого из нас. Пронзает и наделяет великим смыслом всё, что было, что есть и что ещё предстоит. Хоть и понять смысл этот не представляется возможным — как зыбкий пух, разлетается он от прикосновения неуклюжих клешней разума. Ублажённый грёзами, Победоносцев наконец забылся сном в плену мягкого дивана.

Проспал, видимо, долго, потому что, когда открыл глаза, за окном совсем уж стемнело. И лишь какие-то белёсые тени скользили вдоль рельс за его одурманенным взглядом — осколки вмиг позабытого сна, не оставившего после себя ничего, кроме тревожного послевкусия.

Виктор Георгиевич зевнул, потянулся и почувствовал, что на него кто-то смотрит. И действительно, на-

против сидел господин лет тридцати. Он барабанил тонкими пальцами по кожаному футляру из-под цилиндра и улыбался той счастливой улыбкой, на какую способны лишь дети, слабоумные и иностранцы, первый раз оказавшиеся в России.

— Bonjour, Monsieur! — улыбнулся господин.

Победоносцев выпрямился и поздоровался по-французски. На этом их беседа должна была бы кончиться, но, через пару минут безмолвия иностранец на чистейшем русском затараторил:

— Милостивый государь. Корю, бесконечно корю себя за то, что прерываю течение ваших в высшей степени благородных мыслей, но не поведаете ли, куда нас мчит этот обречённый поезд?

Победоносцев оторопел.

— Видите ли, — продолжил незнакомец, — обстоятельства вынудили меня прыгнуть в первый попавшийся состав, и я не успел узнать, куда он, собственно, следует.

«Очень странно...» — подумал Победоносцев, рассматривая попутчика.

Тёмные волосы незнакомца были зализаны назад. Бледный лоб покрывали мелкие капельки пота. Зубы, острые и хищные, всё время что-то перетирали. Глаза подрагивали, а верхнюю губу обрамляли усики настолько тонкие, что, казалось, с их помощью можно пришивать пуговицы.

Господин вытянул из кармана пиджака портсигар, на котором Победоносцев заметил гравировку в виде орла, раскинувшего крылья. Странно однако было то, что вместо головы орлиной красовалась голова будто

бы натурального тульского мужика с окладистой бородой и нахлобученной мурмолкой.

— Угоститесь?

— Не курю, — соврал Победоносцев, создавая, по привычке, про себя досье на странного господина.

— А я себе позволю!

Незнакомец прикурил чёрную папироску, таких раньше Виктор Георгиевич не видел, и по купе распространился аромат настолько чудный и крепкий, что источником его, без сомнения, мог быть табак только наивысшего качества.

Последний раз Победоносцев прикоснулся к трубке ещё на перроне перед посадкой, и душу его от этого запаха буквально пронзило жало взыгравшего желания.

— Ах! — воскликнул господин и хлопнул себя по бледному лбу. — Какая бестактность! Я забыл поинтересоваться, не имеете ли вы чего против.

— Отнюдь, сделайте себе удовольствие...

— Вы сняли камень с моей души!

Незнакомец затянулся и выпустил несколько ароматных колец Победоносцеву в лицо. Виктор Георгиевич невольно втянул ноздрями одно из них. Кольцо причудливо вытянулось и исчезло в глубинах носа. По телу прошлась волна мимолётного блаженства.

— Отчего ж в некурящее не сели? — спросил незнакомец, щурясь.

— Мест не было... — соврал Победоносцев.

— Это положительно странно! Положительно!

— Чего же здесь, простите, странного?

Победоносцева уже очень тяготила эта вынужденная компания.

— А то, что я обошёл состав и не нашёл с кем и словом перекинуться! Хорошо, что нашёл хотя бы вас. А то что же, помирать прикажете со скуки в этом железном гробике? Смотрите, как отделали: стены бархатные, дерево, позолота. Ей-богу, гроб на колёсах.

Он откинулся на спинку дивана и расхохотался. У Виктора Георгиевича дёрнулась щека. Негодяй только что поймал его на лжи. А в том, что перед ним негодяй, Победоносцев не сомневался. За годы работы в Третьем отделении он безупречно научился выявлять неблагонадёжный элемент. Там он насмотрелся и на горе-студентиков, помутившихся рассудком под влиянием западных идей; и на сектантов, закапывающих себя в землю целыми деревнями; но более всего на разномастных жуликов, выглядящих и ведущих себя ровно так, как это делал навязчивый господин.

Купе заполнилось дымом настолько, что Победоносцев едва различал уже физиономию напротив.

— Ужасная привычка, ужасная! — посетовал незнакомец и вдавил окурочек в хрустальную пепельницу. — А ведь как распространилось его употребление в высшем обществе! Знаете почему?

— Просветите меня...

Господин довольно цокнул и наклонился поближе:

— Некоторые утверждают, руководствуясь, видимо, собственным опытом, что этот злосчастный табак, — он отогнал руками дым и поморщился, — ослабляет детородную функцию. Не выходит ли из этого, что правящий класс стремится, подсознательно конечно, к купированию репродукции, дабы форсировать собственный катагенез, или, если угодно, вырождение?

Беседа принимала престранный оборот.

— Зачем же это кому-то может понадобиться?

— А затем, что чувство вины за угнетение других классов отравляет жизнь несравнимо сильнее, чем измельчённые листья какого-то американского растения.

«Подозрительно, — размышлял Победоносцев. — Очень подозрительно».

— Отчего же вы сами курите, раз осознаёте такие материи?

Господин повернулся к овальному зеркальцу в простенке и некоторое время рассматривал себя.

— Смерть, — наконец ответил он, — нагоняет нас слишком быстро. И, чтобы суметь оторваться от неё, нужно предпринять нечто более смелое, чем отказ от невинных привычек.

«Сумасшедший, — догадался Победоносцев, подмечая про себя идиотскую улыбку и дёрганные манеры. — Форменный идиот».

— Вы ко мне, собственно, за каким делом?

Незнакомец завертел головой, словно в купе мог быть кто-то ещё.

— Сударь милостивый... Состояние вашей памяти вызывает у меня опасение. Мне, собственно, только и нужно от вас, что узнать, куда несётся этот обречённый поезд... О чём я у вас первым же делом и справился.

В голосе господина прозвучала неподдельная обида. Он набрал полные щёки дыма и уставился в окно блестящими от слёз глазами.

— Что же у вас в билете не написано?

— Да был бы у меня билет, разве стал бы я отвлекать вас и прятаться здесь от обер-кондуктора. Да и какая разница, что там написано! Неужто вы, мудрый человек, да ещё и с такими завидными усами, полагаете, что буквы на листочке действительно влияют на то, куда несёт нас эта железная махина? Ведь, напиши я «Константинополь», не уверуете же вы, что мы умчимся туда?

— Но зачем же нам в Константинополь? Что вы комедию ломаете!

— Вот и я считаю, что незачем! А вот многие думают по-другому. Ирония в том, что, куда бы ни нёс нас этот обречённый состав, окажемся мы в месте ну совершенно неожиданном.

— Что-то вы меня, право, запутали...

Незнакомец перегнулся через стол, вперился дрожащими зрачками в Победоносцева и зашептал:

— Поезд этот никогда не поедет по прямым, проложенным западом, рельсам. Он мчится задом наперед по витиеватым изгибам, подобным спирали, которая закручена и изломана самым трагичным, самым ужасающим образом. Шире, шире русская колея!

Остатки волос зашевелились на голове Победоносцева.

— И кто эти рельсы изломал?

— Виктор Георгиевич, ну а что вы хотите от дороги, которую испокон веков строили мертвецы?

Господин хлопнул по столу и снова расхохотался.

Победоносцев почувствовал, как кровь отливает от органов. Негодяй знал, как его зовут.

«Нет, он не сумасшедший. Все эти разговоры про табак, про Константинополь и про рельсы неспроста...»

— И куда же мы прибудем по-вашему? — спросил он с наигранным примирением в голосе.

— Этого никто не знает.

— Но машинист-то, пожалуй, должен знать...

— Машинист как раз знает меньше всего, — отмахнулся незнакомец. — К тому же его скоро убьют.

Повисла тишина, прерываемая лишь стуком колёс и поскрипыванием вагонов.

Т-Е-Р-Р-О-Р-И-С-Т. Слово сложилось в голове Победоносцева буква за буквой, как направление на вокзальном табло.

«Но как вырядился, подлец! Жилет шёлковый, запонки золочёные. Папироска эта чёртова...»

Виктор Георгиевич почувствовал, как накаляются кончики ушей. Он откинул полу сюртука и потянулся к наградному смит-вессону.

— Извольте уточнить, не послышалось ли мне то, что вы сейчас сказали? — спросил, он, заглушая словами звук расстёгиваемой кобуры.

— Машиниста убьют. Это я вижу так же ясно, как вас перед собой, — подтвердил незнакомец.

— Может, вы знаете, кто убьёт, в каких вагонах едут?

— Во всех вагонах, Виктор Георгиевич. От первого класса до самого что ни на есть, хм, третьего. Такой машинист разве кого устроит? Разве можно это, когда ведёшь такой большой поезд? И не известно ли ему, что поезду должно ехать только вперёд и никак не назад и уж точно не туда-сюда! Так никому не угодишь.

«Всё это тщательно спланированный спектакль, — крутилось в голове Победоносцева. — Пока негодяй от-

влекает меня пространными речами, его пособия, должно быть, уже захватили состав!»

— Но, позвольте узнать, откуда это известно вам?

— А разве вам это не известно? — округлил глаза незнакомец. — Всё к этому идёт. К тому же у прошлого и будущего есть одна общая черта. Впрочем, вы не поймёте...

Господин не успел закончить фразу, дуло револьвера уже смотрело ему в голову.

— Поднимите руки, — процедил Победоносцев.

Незнакомец повиновался. Бархатный жилет его задрался до подбородка.

— Если хоть один ваш мускул двинется к этой чёртовой коробке, я вас пристрелю.

Террорист кивнул. На физиономии его расцвело нечто среднее между изумлением и восторгом.

Победоносцев откинулся на диване, не спуская с негодея глаз:

— Могу ли я впредь рассчитывать на вашу откровенность?

Виктор Георгиевич взвёл курок, давая понять, что действительно очень рассчитывает.

— Всецело, господин Победоносцев!

— Вы из социалистов, надо полагать?

— О, забота об общественном строе — не мой конёк. Видите ли, общественная мораль предлагает слишком узкую рубашку, чтобы я мог в неё влезть. И уж тем более я не из тех, кто полагает что достаточно сбросить социальные оковы и всё само собой наладится. Единственное общество, частью которого я хочу стать, — это небесное общество. И, как вы мо-